

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

УДК: 821.512.145

«ПОТОК СОЗНАНИЯ ЗВЕРЯ» В ТВОРЧЕСТВЕ Ч. АЙТМАТОВА И А. БАЯНОВА: ДИАЛОГ С ЭТНИЧЕСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ТРАДИЦИЕЙ

Д.Ф. Загидуллина

zagik63@mail.ru

ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан», Казань, Россия

Аннотация. Использование приема «поток сознания» в отношении животных в творчестве Чингиза Айтматова и Ахсана Баянова позволяют проследить некоторые аспекты трансформации соцреализма в «период оттепели», которая в тюркоязычных литературах была ознаменована возвращением к национальным истокам. Первые признаки трансформации соцреализма, ознаменованной возвращением к национальным истокам, наблюдаются в рассказах А. Еники еще военных лет: прозаик внимательно наблюдает за мыслительным процессом отдельного героя, поставленного в условия жестких испытаний, обращается к приему «потока сознания», на историю героя в качестве авторской позиции накладывается философская оценка мира, выраженная путем возведения образов до уровня символа. Схожие преобразования наблюдаются в творчестве Чингиза Айтматова 1950-1960-х гг. Их произведения рассказывают о Человеке, предлагая анализ его душевного состояния взамен соцреалистическому жизнеописанию; использование при создании образов всех основных героев приемов психологизма, и даже психоанализа и «потока сознания», обеспечивает в тюркоязычных литературах невиданное ранее эмоциональное воздействие на читателя. Еще одной общей особенностью творчества двух прозаиков становится постановка национальных проблем на уровне общечеловеческих. Они оба связывают проблему сохранения человеческого в человеке, сохранения человеком своего «я» – с необходимостью сохранения связей с традициями, историческими корнями, с родом, этносом. Дальнейшие трансформации в прозе были связаны с обращением к структуре эпических сказаний тюркских народов, которая позволяла складывать в единую картину мира – жизнь отдельно взятого человека, картину «строительства социализма», состояние человеческого духа и будущего человечества. В творчестве Ч. Айтматова и А. Баянова формируется художественная картина мира, в корне отличающаяся от той, что на протяжении десятилетий транслировала литература социалистического реализма. Произведения этих писателей, свободные от идеологически предвзятых воззрений на мир и судьбу народов, раскрыли роль национальных традиций, представили богатейший опыт народной жизни, особенности жизненного уклада, норм поведения, ментальности тюркских народов, сумев придать национальным ценностям статус общечеловеческих. Сопоставление их творчества позволяет осмыслить масштабность возрожденческих процессов, которые произошли в национальных литературах СССР во второй половине XX века.

Ключевые слова: Чингиз Айтматов, Ахсан Баянов, тюркоязычные литературы, возвращение к национальным истокам, «поток сознания», «поток сознания зверя».

Для цитирования: Загидуллина Д.Ф. «Поток сознания зверя» в творчестве Ч. Айтматова и А. Баянова: диалог с этнической художественной традицией. *Казанский лингвистический журнал*. 2021; 1 (4): 25–37.

**“THE BEAST'S STREAM OF CONSCIOUSNESS”
OF CHINGIZ AITMATOV AND AKHSAN BAYANOV: DIALOGUE
WITH THE ETHNIC ARTISTIC TRADITION**

D.F. Zagidullina

zagik63@mail.ru

Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan, Russia

Abstract. The use of «the stream of consciousness» approach to animals in the work of Chingiz Aitmatov and Akhsan Bayanov allows to trace some aspects of the transformation of social realism in the «thaw period» which in Turkic-speaking literatures was marked by a return to national origins. The first signs of the transformation of socialist realism marked by return to national sources are observed in stories by A. Eniki of military years: the prose writer attentively watches thought process of the certain hero put in conditions of tough examinations, addresses to the approach of «a consciousness stream», on history of the hero as an author's position the philosophical assessment of the world expressed by construction of images to symbol level is imposed. Similar transformations are observed in Chinghiz Aitmatov's creativity of the 1950-1960th. Their works tell about the Person, offering the analysis of his state of mind in exchange to the socialist realism biography; using in creation of images of all main heroes the methods of psychologism, and even psychoanalysis and «a consciousness stream», provides earlier unprecedented emotional impact on the reader in Turkic literatures. Statement of national problems at the level of universal becomes one more general feature of creativity of two prose writers. Both of them connect a problem of saving human in the person, saving by the person of the «I» – with need of saving of communications with traditions, historical roots, ethnos. Further transformations in prose have been connected with their appeal to structure of epic legends of the Turkic people which allowed to put in a uniform picture of the world – life of separately taken person, a picture of «construction of socialism», a condition of human spirit and future mankind. In the work of Ch. Aitmatov and A. Bayanov an artistic picture of the world is formed. It is fundamentally different from that which broadcast literature of socialist realism for decades. The works of these writers that are free from ideologically biased views on the peace and fate of peoples revealed the role of national traditions, presented the richest experience of folk life, peculiarities of life style, norms of behavior, mentality of Turkic peoples, they managed to give the status of universal human to national values. The comparison of their creativity makes it possible to understand the scale of the revival processes that took place in the national literature of the USSR in the second half of the 20th century.

Keywords: Chinghiz Aitmatov, Akhsan Baiyanov, Turkic literatures, return to national sources, «Stream of consciousness», «The Beast's stream of Consciousness».

For citation: Zagidullina D.F. “The Beast's stream of Consciousness” of Chingiz Aitmatov and Akhsan Bayanov: dialogue with the ethnic artistic tradition. *Kazan Linguistic Journal*. 2021; 1 (4): 25–37. (In Russ.)

Возрожденческие явления, происходящие в тюркоязычных литературах в 1960-1980-е годы в контексте русского авангарда, имеют свои особенности. Несомненно, «“Хрущевская оттепель“ приоткрыла клапан, питающий искусство нетрадиционными для соцреализма идеями, сюжетами, образными решениями» [6, с. 180]. Но параллельно с общей возрожденческой тенденцией основные векторы развития авангарда в литературах тюркоязычных народов СССР направляются «назад», к достижениям прошлых эпох, введенных в стагнацию советской идеологией [7]. Например, для татарской литературы ситуация 1960-х годов представляет собой процесс возвращения к национальным традициям, к продолжению модернистских экспериментов начала XX века [9, с. 383]. Таким образом, с одной стороны, поиск новых путей развития приводит к смене концепции личности во всех литературах народов СССР. Идеал авангарда – свободный, сильный духом человек, противопоставляемый массе (столь восхваляемой соцреализмом), оборачивается «несоветскостью» [11, с. 8] авангардного текста. С другой, «период оттепели» становится достаточно сильным стимулом для «возвращения» к национальным истокам и традициям классической литературы досоветского периода, формирования новых методов и приемов, позволяющих воссоздавать национальные характеры, этнические особенности бытия в мельчайших подробностях, поднимать вопросы, касающиеся судьбы нации, – возможных угроз ее нивелирования и даже исчезновения. Этим и воспользовались тюркоязычные литературы.

Однако необходимо особо подчеркнуть, что процесс «возвращения» к национальным истокам начался в некоторых тюркоязычных литературах еще до наступления «оттепели». К примеру, в татарской литературе сюжетно-композиционное построение рассказов военной поры А. Еники, полностью подчиненное задачам психологического анализа, возвращает в татарскую литературу сложный, психологически и философски насыщенный стиль татарских писателей начала XX века [8]. В этом плане творчество татарского прозаика типологически созвучно с творчеством Чингиза Айтматова,

произведения которого отличаются особым драматизмом, сложной проблематикой, неоднозначностью решения проблем на уровне психологии человека. Повествование, формально построенное от третьего лица и вбирающее в себя речевую перспективу героя, его исповедь и память, выражается в форме несобственно-прямой речи, переходит во внутренний монолог – «поток сознания».

Будучи одним из критериев модернистского искусства, «поток сознания – концепция изображения реальности и душевной жизни персонажа, получивший широкое распространение в англоязычной модернистской литературе первых десятилетий XX века, в некоторых тюркоязычных литературах сформировался в начале XX века и был обусловлен активизацией интереса к внутренней жизни человека, миру его мыслей и чувств, сознательным и подсознательным процессам. Как форма или прием психологизма, «поток сознания» «исчерпывает содержание произведения, представляя собой фиксацию самых разнородных впечатлений и импульсов» [10]. В отличие от классической литературы, изображающей картину действительности, обращение к «потoku сознания» позволяет раскрывать внутренний мир (мысли, ощущения, переживания, воспоминания и т.д.) в их естественном движении.

Появление в тюркоязычных литературах 1960-1980-х годов нового типа художественных текстов, создаваемых как «поток сознания» главного персонажа от третьего лица, свидетельствует об установлении диалога с национальной художественной традицией начала XX века. На это указывают и интертекстуальность, явное и скрытое цитирование на уровне мотивов, тем, идей, и возрождение приемов и средств, активно использовавшихся в художественном процессе того периода. Отрицать влияние мировой культуры, таких произведений, как роман Д. Джойса «Улисс» (1922), В. Вулф «Миссис Деллоуэй» (1925), У. Фолкнера «Шум и ярость» (1914) и др., основанных на внутреннем монологе героя, также было бы неправильным.

Вместе с тем, в художественном авангарде в тюркоязычных литературах, в творчестве отдельных его представителей, «поток человеческого сознания»

переживает качественный скачок, принимая облик «потока сознания зверя», который охватывает не только ментально-психологическое, но и мифологическое сознание и подсознание этноса. Это явление мы хотим проследить на примере творчества Чингиза Айтматова (1928-2008) и татарского поэта и писателя Ахсана Баянова (1927-2013). О том, что такой прием и тип повествования проявился в их творчестве не случайно, говорят и публицистические заметки обоих писателей, и поэтические мотивы и искания А. Баянова в лирических и лиро-эпических произведениях.

Общеизвестно, что Ч. Айтматов рассматривает восточную мудрость, философию, художественную и эстетическую мысль прошлых столетий как благодатный источник вдохновения и как пищу для своего творчества. Уже с первых повестей, принесших писателю известность, изображение жизни, прошлого киргизского народа сопровождается использованием вставных мотивных фольклорных комплексов, архетипических образов. Так, присутствие в повести «Прощай, Гульсары!» (1966) древнего киргизского плача «Карагул ботом», легенды об охотнике Коджожаше, а в «Белом пароходе» (1970) – легенды о ветре Сан-Таш, сказки о мальчике Чыплак, предания о Рогатой матери олене – указывают на стремление писателя привнести в тексты особую этническую эмоционально-смысловую нагрузку. «Проблема «культурного» и «природного» в человеке, спор и столкновение оппозиционных понятий «природа и цивилизация» в обществе – вот основное ядро авторского замысла в зрелых произведениях автора. Миф как «сгусток мудрости» древних, как поколениями проверенный опыт для Айтматова становится инструментом моделирования художественной картины мира, средством проникновения в глубины общественного разума» [12, с. 11].

Использование вставных мотивных фольклорных комплексов прослеживается и в первых повестях, поэмах («Букет-минарет» («Букет-манара», 1961); «Описание путешествия» («Сәяхәтнамә», 1969); «Памятник» («Һәйкәл» (1967–1970); «Золотая шапка» («Алтын кашбау» (1980–1986) и др.) А. Баянова, что было неоднозначно воспринято татарским литературоведением.

Отвечая на критику за непохожесть стиля, стремление связать эту технику с приемами, взятыми из зарубежных литератур, А. Баянов публикует серию статей, в которых подчеркивает, что по своему писательскому стилю он является преемником татарской литературы: «Да, каждую серьезную литературу, в частности, татарскую советскую прозу, невозможно представить без широкой традиционной эпичности, без повествований о суровой действительности. Ее исторически достигнутый уровень – крепость опорных столбов – доказывается большинством произведений Г. Ибрагимова: имеются в виду широкополотные романы «Молодые сердца», «Глубокие корни», «Наши дни» и рассказы. В то же время бессмысленно отрицать наличие в этих произведениях лирического начала. И тонкие душевные колебания добавляют в спокойное повествование-течение этих произведений ощутимую душевную силу» [3, с. 251-252].

В конце 1960-х годов писатель предлагает вниманию читателя несколько своих повестей, главной особенностью которых выступает изображение действительности через человеческие переживания. Если в повести «Ищу свою юность» («Яшьлегемне эзлим», 1966) две любовные истории излагаются в форме внутреннего монолога главного героя Аниса, то в повести «Четыре монолога» («Дүрт монолог», 1968) рождается полифонизм иного качества: четыре монолога – «потока сознания» четырех героев: Аниса, его брата Ильдархана, жены Ильдархана Нэркес, ее любимого Исенбека – сопоставляют позиции разных людей по отношению к одному и тому же событию. В «Повести горной стороны» («Тау ягы повесте», 1972) А. Баянова, лирико-экзистенциальный сюжет обрамляет «событийный» сюжет, посвященный поиску Табриком Тугашевым, воспитанным в приюте, своих родителей. Писатель обогащает его упоминанием коранического мифа о появлении человека из глины, информацией о древнем городе Булгаре, показывает уже позабытые обряды и праздники, свойственные народу привычки как обрядовый праздник, когда юношу приглашают в гости во все дома, а при отъезде задаривают подарками. В заключительной части повести, в «потоке сознания»

героя – при восхвалении «горной стороны! – результата труда «трех архитекторов: Солнца, Воды и Ветра» всплывает образ исчезнувших беркутов, когда-то гнездившихся здесь. Подобные мотивы указывают на то, что в тюркоязычных литературах параллельно шли поиски в одном и том же направлении – в «потоке» воспоминаний и переживаний человека отыскать родовую память и те самые главные ценности, которые присущи этносу.

«Поток сознания зверя» впервые проявляется в романе А. Баянова «Огонь и вода» («Ут һәм су», 1971). В нем изображается образ волка как носителя сознания всего живого на Земле, сознания природы, который в своих мыслях и переживаниях обращается к человеку. Как у волчицы Акбары и волка Ташчайнар в романе Ч. Айтматова «И дольше века длится день» (1980), «поток сознания» волка А. Баянова сконцентрирован на проблеме разрушения гармонии между человеком и природой. В обоих произведениях волк представляется как хранитель духовного богатства, стойкости, традиций и образа жизни народа. «В древние времена в этих лесах обитал медведь. Где он сейчас? Я тоже иду по его следам... Если и я умру, исчезнет и половина твоего мира. Половина – твой дух, твоя душа. Закончатся твои сказки, исчезнет волшебство. Те сказки, которые ты читал с детства, уйдут вместе со мною, с медведем, с лисой и зайцем, и что останется с тобой?» [5, с. 67], – обращается к человеку волк А. Баянова (Перевод наш – Д.З.). Тем самым и в романе Ч. Айтматова, и в романе А. Баянова человеческая память, человеческое сознание соединяется с природным, опасность потери природной памяти равняется потере исторической памяти.

Впервые в советской литературе эти произведения А. Баянова и Ч. Айтматова представляют «голос» животных, «поток сознания зверя» как чистую и первобытную картину мира, как мировоззрение древнего человека – без грязи и жестокости цивилизации, которыми оно обросло позже. Выбор образа волка тоже неслучаен: он – тотемное животное для тюрков. Тюркская легенда находит воплощение в романе Ч. Айтматова в мотиве похищения волчицей ребенка; в обращениях Акбары к покровительнице волков Бюри-Ане

в поисках защиты от жестокости людей. Истребление тотемного животного-первопредка, по замыслу и Ч. Айтматова, и А. Баянова, – это убийство человеческого в человеке, его духовной составляющей. Но если в романе Ч. Айтматова при помощи «потока сознания» человека и животного эта проблематика звучала на философско-мифологической высоте, в романе А. Баянова она имеет социальную направленность, мифологические мотивы и детали-образы становятся проводниками экологического предупреждения.

Такое различие особенно заметно при сравнении «потока сознания зверя» в романе Ч. Айтматова и повести А. Баянова «Голос – природный дар» («Тавыш – табигать бүлэге», 1975-1977). Произведение татарского писателя затрагивает проблему равнодушия, «безголосия» в обществе. Оно имеет сказочно-лирическое начало под названием «Медведь-путешественник», в котором повествование ведется от имени проснувшегося медведя, вышедшего на поиски двух своих медвежат и их матери-медведицы. Путь медведя напоминает путь Акбары: он проходит по новым землям, встречается с людьми, домами. В «потоке сознания» выясняется, что зверь ко всему относится с добротой, а люди его не понимают. Медведь боится людей, люди – медведей, и этот страх приводит к смерти последнего. Основное содержание повести, излагаемое в основном как «поток сознания» убившего медведя молодого ученого Назара Габбасова, еще раз интерпретирует это событие. В этом «потоке» есть многое: и то, что медведь «похож на самого Назара», и то, что страх вынудил его нажать на пусковой крючок, и сомнение по поводу того: «А правильно ли было встречать гостя пулей», и бытующее в этих краях мнение, что медведь «пришел из сказки», и то, что Назар сравнил себя с палачом.

Назар – не убийца и не трус. Писатель воссоздает особую ситуацию, раскрывая непростые переживания человека – друга природы, посвятившего всю свою жизнь охране природы, но по воле случая стреляющего в медведя. В день встречи с медведем Назар вышел на охоту на кабана, поскольку должен был сделать его чучело для Государственного музея. Это свое занятие мужчина

оценивает так: «Эти звери и птицы кажутся Назару родными и вечными друзьями. Они и сами, признавая Назара, смотрят на него по-человечески тепло – словно благодарят его за подаренную им вечную жизнь. Вскоре рядом с ними будет стоять и кабан, и он своими маленькими красными глазками будет излучать своему повелителю чувство благодарности. Конечно, сначала, при первой встрече, бестолковый кабан, не понимая своего будущего счастья, постарается убежать. Но... Но, Назар еще никогда не упускал животного, которого поставил целью раздобыть» [2, с. 7] (Перевод наш – Д.З.). Таким образом, писатель не выстраивает готовые клише «плохо-хорошо», он заставляет задуматься о ментальности, инстинктах человека, которые были заложены еще в древние времена, о его отношениях с природой, о том, что в этих отношениях претерпело изменения под тяжестью социально-политических догм.

Параллельное использование Ч. Айтматовым «потока сознания» человека и зверя в последнем его романе – «Когда падают горы (Вечная невеста)» (2006) рождает ощущение встречи с абсолютно новой картиной мира и новым типом художественного текста. В нем параллельно развиваются две сюжетные линии: первая связана с киргизским журналистом и сценаристом Арсеном Саманчиным; вторая – история снежного барса Жаабарса; в конце романа они трагически сходятся, и эта встреча оборачивается смертью обоих персонажей. «Поток сознания» обитающего «высоко в горах, в диких скалистых ущельях, поросших густыми арчевниками и покрытых по склонам, залеживающимся по полгода тeneвыми снегами» [1, с. 14], потому и названного снежным, барса раскрывает перед читателем красоту бытия барса. Ч. Айтматов подчеркивает, что снежные барсы являются обитателями «высотного мира», для которых главным является незыблемость этих гор, необходимость продолжения рода, жизни в гармонии с природой: «Шли дни, горы стояли на своих местах, как всегда, сияя вершинами, навечно закованными в снега и льды, менялась погода, миновали зимы и лета, и все так же пребывал в своем одиночестве, внешне не меняясь, тигроподобный пятнистый царь высокогорья Жаабарс» [1, с. 56].

Мысль о том, что основа бытия – в следовании традициям, прослеживается и усиливается при помощи второй легенды – легенды о Вечной невесте.

«Падение гор» – исторические катаклизмы приводят не только к гибели Жаабарса и Арсена, они уничтожают традиции. Предупреждающий об этом писатель рассказывает, о каких же этнических и общечеловеческих традициях идет речь, обеспечивая диалог с культурой тюркских народов.

«Судьба животных у Ч. Айтматова неразрывно связана с судьбой человека и, в символическом плане, с судьбой человечества. Близость человека и животного, мотивы их родственной связи зафиксированы в мифологии тюркских народов. Доминирующий пафос произведений Айтматова: человеку необходимо воспринимать себя как часть природы и стремиться к гармонии с ней. Животные в художественном мире Айтматова очеловечены, наделены психологическими качествами, и каждый из них обладает своей индивидуальной судьбой. Как отметил Г. Гачев, органическая связь человека и природы выражена через сближение тюркского эпического батыра и его коня с образом кентавра (Гульсары и Танабай, Каранар и Эдигей), когда мотив коня и всадника перетекает в мотив слияния человека и животного» [12, с. 7]. Это слияние преподносится как одна из незыблемых традиций тюркских народов.

Тот же мотив слияния человека и коня проявляется в повести А. Баянова «Между двумя летами» («Жэй белэн жэй арасы», 1991). По мнению писателя, одним из разрушительных последствий революционных катаклизмов стало то, что крестьянин остался безлошадным: «...для Ильяса (а может не только для него одного) однажды солнце стало светить значительно слабее, надо сказать, вдвое слабее. И это не преувеличение, тогда одно крыло Ильяса, действительно, сломалось. В один из дней, они вместе с мамой, взяв двух лошадей за поводья, своими руками привели на общий деревенский двор...» [4, с. 18]. Человеческая жизнь воссоздается параллельно с историей страны в XX веке. Утрата в условной модели собственности и чувства национальной идентичности (коня), красоты и любви равноценно тому, чтобы лишить человека, стремящегося к высокому, чистому, светлому, крыльев.

Итак, в творчестве Ч. Айтматова и А. Баянова мы наблюдаем параллелизм в представлении «потока сознания зверя» для раскрытия проблемы сохранения человеческого в человеке, тесно связанной с проблемой связи с традициями, историческими корнями, со своим родом, этносом. «Поток сознания зверя» в едином комплексе с древнетюркскими мифами, легендами, с одной стороны, позволяет воссоздавать в художественных текстах этническую историю и картину мира. С другой – для обоих миф служит развернутой метафорой, позволяющей изображать современную жизнь и человека: в результате «поток сознания» зверя и человека воспринимается как хронотоп прошлого и сегодняшнего. «Мифологическое начало в творчестве Айтматова – это закономерный и органичный этап осмысления человеком своей судьбы и своего места в истории через призму векового опыта, заложенного в мифах, как «сгустках» человеческой мудрости [12, с. 11]. У А. Баянова же социальная демифологизация направлена на осмысление великих потерь: человеком, страной, народом. Полифонизм, проявляющийся, в том числе и в слиянии «голоса» человеческого и животного, у обоих писателей формирует ощущение присутствия картины тюркского мировидения и мироустройства параллельно с общечеловеческими законами.

Список литературы

1. *Айтматов Ч.Т.* Когда падают горы (Вечная невеста): роман, повесть, новелла. СПб: Азбука-классика, 2007. 480 с.
2. *Баянов Ә.* Аязучан болытлы хава: повестьлар. Казан: Татар. кит. нәшр., 1981. 312 б.
3. *Баянов Ә.* Заман сурәтләре: Лирик язмалар, мәкаләләр, очерклар. Казан: Татар. кит. нәшр., 1985. 271 б.
4. *Баянов Ә.* Урланган ай: повестьлар. Казан: Татар. кит. нәшр. 1997. 351 б.
5. *Баянов Ә.* Ут һәм су: роман. Казан: Татар. кит. нәшр., 1973. 263 б.
6. *Васильев И.Е.* Русский поэтический авангард XX века. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. 320 с.

7. *Загидуллина Д.Ф.* Авангард в татарской литературе 1960-1980 гг.: причины возникновения и национальные особенности // *Филология и культура*. 2014. № 1 (36). С. 126-130.

8. *Загидуллина Д.Ф.* Авангардные явления в тюркоязычных литературах в середине XX века: Амирхан Еники и Чингиз Айтматов // *Возрождение национальных литератур во второй половине XX века и Чингиз Айтматов: международная научно-практическая конференция, 12 декабря 2018 г., сб. материалов*. Казань: ИЯЛИ, 2018. С. 6-15.

9. *Загидуллина Д.Ф.* 1960-1980 еллар татар әдәбияты: яңарыш мәйданнары һәм авангард эзләнүләр. Казан: Татар. кит. нәшр., 2015. 383 б.

10. *Зверев А.М.* «Поток сознания» // *Литературная энциклопедия терминов и понятий* / Под ред. А. Н. Николюкина. М.: Интелвак, 2001. Стб. 773.

11. *Кулаков В.* Поэзия как факт. Статьи о стихах. М.: Новое литературное обозрение, 1999. 400 с.

12. *Мускина М.С.* Фольклорно-мифологические мотивы в прозе Чингиза Айтматова: Автореф. дисс. ... канд.филол.наук. Томск, 2003. 11 с.

References

1. *Aitmatov Ch.* (2007). When the mountains fall, or the eternal bride. Saint-Petersburg: ABC-Classic. 480 p. (in Russian)

2. *Baiyanov Ah.* (1981). Bad weather: story. Kazan: Tatars.kn. ed. 312 p. (in Tatar)

3. *Baiyanov Ah.* (1985). The faces of time: story. Kazan: Tatars.kn. ed. 271 p. (in Tatar)

4. *Baiyanov Ah.* (1997). The stolen moon: story Kazan: Tatars.kn. ed. 351 p. (in Tatar)

5. *Baiyanov Ah.* (1973). Water and flame: roman Kazan: Tatars.kn. ed. 263 p. (in Tatar)

6. *Vasiliev I.E.* Russian poetic avant-garde of the twentieth century. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2000. 320 p. (in Russian)

7. *Zagidullina D.F.* (2014). Avant-garde in Tatar literature of the 1960-1980's: causes and national characteristics // *Philology and culture*. № 1 (36). Pp. 126-130 (in Russian)

8. *Zagidullina D.F.* (2018). Avant-garde phenomena in Turkic-language literatures in the mid-twentieth century: Amirhan Eniki and Chyngyz Aitmatov // *Renaissance of national literature in the 2nd half of the XX century and Chyngyz Aitmatov international scientific and practical conference*. December 12. Kazan. 6-15 p. (in Russian)

9. *Zagidullina D.F.* (2015). In Tatar literature of the 1960-1980's: avant-garde experimentation. Kazan: Tatars.kn. ed. 383 p. (in Tatar)

10. *Zverev A.M.* (2001). Stream of consciousness // *Literary Encyclopedia of terms and concepts*. Moscow. 773 p. (in Russian)

11. *Kulakov B.* (1999). Poetry as a fact. Articles about poems. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 400 p. (in Russian)

12. *Muskina M.S.* (2003). Folklore and mythological motifs in prose in Ch. Aitmatov. Abstract. diss. ... cand. philol. sciences. Tomsk. 11 p. (in Russ.)

Автор публикации

*Загидуллина Дания Фатиховна –
доктор филологических наук, профессор
Академия наук Республики Татарстан
Казань, Россия
E-mail: zagik63@mail.ru*

Author of the publication

*Zagidullina Daniya Fatikhovna –
Doctor of Philology, Professor
Academy of Sciences of the Republic of
Tatarstan
Kazan, Russia
E-mail: zagik63@mail.ru*